Культура, 1995, 30 дек. 30.12.95

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ:

“Я реалист, стремящийся к идеалу”

Наталья ШАДРИНА

Недавно в Большом театре прошла пресс-конференция. Посвящена она была премьере балета “Ромео и Джульетта”. Мы пытались в подробный разговор о жизни театра, точнее – о ее перспективах. Владимир Васильев отвечал на вопросы с невиданным энтузиазмом. Совершенно очевидно, что за год пребывания на посту художественного руководителя – директора ГАБТа, он ничуть не утратил свой пыл и прежнему готов двигать вперед эту машину. Все вопросы на пресс-конференции не задашь. Другое дело – после...

– Владимир Викторович, как вы нам сообщили, все главные театра, заявленные на текущий сезон, остаются в силе. (Правда, ни словом не обмолвились о балете “Метель” в постановке Вячеслава Гордеева, который Большой предполагал отметить юбилей Георгия Свиридова.) А вот газета “Вечерняя Москва”, на вас же ссылаясь в качестве источника информации, перечислила совсем другие названия: “Любовь к трем апельсинам” – в постановке Питера Устинова, “Псковитянка” и совсем уж сказочницыно – “Катенькина дочка”, “Преступление и наказание”, “Леди Макбет Мценского уезда”...

– Все будет! Будет вам и обещанная “Богема”, и “Травиата”, и “Укрощение строптивой” Кранко, и “Метель” – балет доказательный, так что Вячеслав Михайлович добавит к нему еще и “Последнее танго”. Это – в нынешнем сезоне. Все прочие пока – наше прекрасное завтра.

Но мечты не взяты с потолка. Я пытаюсь сейчас определить основные направления нашей репертуарной политики, и каждая идея, каждое название – это результат определенного поиска.

Должны в Большом театре творить наши выдающиеся мастера? Конечно, должны. Я приглашал к сотрудничеству Евгения Светланова. И могу трижды поздравить себя и театр с его согласием. Во-первых, в конце нынешнего сезона Евгений Федорович продирижирует “Пиковой дамой”. Вольет свежую кровь в этот замечательный, но довольно-таки поставивший наш спектакль. Во-вторых, знаю о моих намерениях ставить “Лебединое озеро”, он изъявил желание быть дирижером-постановщиком. Главное же – в-третьих. Светланов приходит со своим предложением. Поставить в Большом “Псковитянку” – его давняя мечта, и на конец следующего года сезона мы наметили ее осуществление.

С зарубежными крупными мастерами договоримся сложнее. С кем-то у меня есть личный контакт, с кем-то – нет, и планы у всех расписаны на годы вперед, и не привыкли они включать Большой театр в сферу своих интересов. Вывод напрашивается сам: нам необходимы друзья, представители, агенты – назовите, как угодно, в разных странах, которые помогали бы нам завязывать связи с мэтрами и информировали бы нас о появляющейся талантливой молодежи.

Наш давний друг, генеральный секретарь Международного фонда Большого театра в Вене Эдит Якимович, к примеру, подала идею обратиться к Питеру Устинову: у него пунктиром высвечивалось, как бы он посмотрел на возможное сотрудничество с нами, и сказалось, что положительно. Сейчас мы находимся в стадии переговоров – я отправил ему письмо и жду ответа. Не предполагаю, конечно, что он сразу же напишет “Встречайте, выезжаю”, но в данном случае достичь принципиальной договоренности – уже великое дело.

Репертуарная политика тесно связана с гастрольной. Долгие годы мы выезжали на Запад с русским репертуаром. С одной стороны, это логично. Но с другой, мы как бы сознательно узаконивали свою обособленность. Для того, чтобы действительно вписаться Большой в контекст мировой художественной культуры, мы должны предъявлять зрителям самый разнообразный, в том числе западный, репертуар и прежде всего, на мой взгляд, – оригинальные постановки.

Великая область балета. Как я обещал, мы будем делать вечер американской хореографии. Баланчин, Роббинс... Нужно это нашим артистам? Безусловно. Нашим зрителям? Разумеется. Но Запад своим исполнением Баланчина мы вряд ли поразим – у них этот стиль в плоть и кровь вошел. А вот если мы продемонстрируем американцам балеты их же хореографов, им самим, быть может, не очень хорошо известных, да поставленные для нас, в расчете на нашу индивидуальность, это уже будет восприниматься совсем по-другому и очень подействует на пользу имиджу – новому имиджу – Большого. Миша Барышников, с которым мы находимся в постоянном контакте, уже порекомендовал мне нескольких молодых балетмейстеров. И, очевидно, я последую его советам.

– Но кто же все-таки “перечтет” русскую литературу? За этими названиями уже стоят конкретные люди?

– Всех имен пока не назову – я их не довел еще даже до сведения художественного совета.

Ну а суть в том, что театр будет теперь регулярно заказывать музыку. У нас появился консультант по музыке – композитор Эдуард Лазарев, наш управляющий оркестром. Через два месяца будем с ним проступать формированию репертуарной политики в области музыки.

Балет “Леди Макбет Мценского уезда” – предложение вдовы Шостаковича Ирины Антоновны. В будущем году исполнится 90 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича, и ей бы хотелось, чтобы мы отметили юбилей этой постановкой. Вениамин Баснер, ученик Шостаковича, написал симфонию по мотивам “Катерины Измайловой” и желал бы написать балет. Мысль дать вдове шанс посмотреть и музыке Шостаковича – балетную – мне лично показалась очень любопытной. Георгию Александрову, которому я предложил эту постановку,– тоже.

Всем этим планам еще довольно далеко до воплощения, но все-таки это уже кое-что. Уже грет. Ведь когда я пришел в театр, мне просто страшно стало – портфель был пуст: ничего, кроме “Белоснежки” и весны туманной тогда еще “Хованщины”.

План в таком большом, таком солидном театре нужно составлять на три-четыре года вперед. Вот этим мы сейчас и занимаемся. Моя мечта – сделать большой лучшим музыкальным театром мира. Но надеюсь, что по крайней мере смогу заложить фундамент, чтобы те люди, которые придут после меня, не попали в такое же положение, в каком оказался я.

Контрактная система, которую мы начинаем вводить в январе для солистов, – это тоже фундамент. Надо работать на так же условиях, что и весь мир, – иначе на равных с ним не будешь.

– А в театре, между тем, уже начались волнения по этому поводу...

– Меня упрекают в том, что я не сдержал свое слово: обещал плавный переход, а сам начал все рушить. Не уверен, кстати, что был прав, когда обещал, тем не менее переход-то на самом деле будет плавным. Мы вводим поспектакльную оплату, но ведь зарплата, традиционная наша зарплата тоже сохраняется. Так что материально люди сразу станут жить лучше. Конечно, есть такие артисты, которым с самого начала было не место в Большом. Справедливо предполагая, что скорее всего конкурс не пройдут, они-то в основном и поднимают шум. Ну а что нам делать? Сколько

Фото Николая САМОЙЛОВА

же может театр тащить этот груз на себе!

Но мы думаем о социальной защите. Артисты, утратившие форму, не соответствующие в нынешнем сезоне состоянию уровню Большого театра, получат возможность доработать до конца сезона и за это время подыскать себе другую работу.

– А как быть с прославленными мастерами? Неизбежно возникает мотив этнического свойства: после всех заслуг – и на конкурс, и кто-то тебя будет еще оценивать... Однажды уже было подобное. Жуткий скандал, разразившийся тогда в балетной труппе, закончился вынужденным уходом из театра Васильева, Максимовой, Плисецкой...

– Что значит “кто-то будет оценивать”? Если ваш художественный руководитель для вас всего лишь “кто-то”, то как это вообще соотносится с вашим желанием работать под его началом? Вот состав нашей общей конкурсной комиссии: председатель – Васильев, далее – Коконин, Ференец, Руденко, Гордеев, Бархин, Льков, Чернышев, Архипова, Моисеев, Светланов. Если все эти люди не сочтут, что вы – тот гений, которому подвластно все, может быть, стоит и прислушаться к их мнению?

Да и что, в конце-то концов, такого унизительного в этом конкурсе? Настоящий, в полном смысле этого слова, конкурс предстоит пройти только артистам “со стороны”. Их действительно будет предложено продемонстрировать свои возможности. А тех, кто работает в театре, мы и так знаем. Никто не попросит их спеть или станцевать что-нибудь специально перед комиссией. Просто процедура такая – вы подписываете документ, в котором говорится, что ваша штатная должность упразднется, а потом подаете заявление на конкурс.

Комиссия рассматривает ваш послужной список и предлагает вам контракт – супербо индивидуальный. В нем все будет указано – сумма вашего гонорара, количество выступлений за сезон, даты ваших спектаклей, ваши роли. Разумеется, какой-то роль может вас не устроить. Но контракт на то и контракт – он предполагает торг. И комиссия по возможности постарается учесть ваши интересы, ведь, повторяю, все решается в индивидуальном порядке.

Что касается примера из моей биографии, то он, по-моему, не корректный – не адекватный, во всяком случае. Тогда диктатор распоряжался с ему не угодными. И лучше б уж и действовал диктаторскими методами – честнее бы было. Так нет, создал видимость демократии. Был собран худсовет, который, естественно, потворил то, что говорит главный. Вот почему худсовет, состоящий из великих театра сего, всегда представлялся мне нелепостью. В худсовете должны быть, как теперь, – художники, люди, с одной стороны, наделенные “особыми” полномочиями, а с другой, единоличной и безраздельной властью не обладающие. У Пушкина “Гений” какие задачи? Себя пропагандировать. А у художественного руководителя? Труппу!

– Владимир Викторович, вы уже ответили на недоуменный вопрос критиков, как это театр отважился взяться за постановку балета Лавровского “Ромео и Джульетта” – спектакля, утверждающего торжество характерного танца, традиции которого Большим в значительной степени утрачены. Именно для того и взялся, чтобы не утратить окончательно. Но ведь потеря навыков актерского мастерства и отсутствие яркой индивидуальности стали проблемой и ведущих танцовщиков ГАБТа. Как быть с главными героями? Как им “противостоять” своему окружению, не потеряться на его фоне? Многие ветераны поработали над этим спектаклем, передевая свой опыт молодежи, но гениальная Джульетта – Галина Уланова желания принять участие в репетициях не заявила... Отказался участвовать в восстановлении знаменитого балета своего отца и Михаил Лавровский. Может быть, не поверил в то, что в нынешнем исполнении спектакль сможет “прозвучать” современно?

– Если и не поверил, то напрасно. Я ведь тоже сначала думал – а не бредовая ли эта идея? Оказалось, нет, ничуть. Спектакль совсем не устарел. Напротив, как раз сейчас снова пришла его пора. Именно потому, что теперь мы устали от выхолощенных балетов, из которых ушел характерный танец, ушли яркие краски, изощренная режиссерская мысль, – как в свое время устали от драмбалета и захотели “танцевальных” спектаклей. Впрочем, никогда не поздно совершить открытие! Мы помнили гениальную режиссуру и сценографию этого балета, а выяснилось, что он к тому же еще и наскозь танцевален! Наша молодежь с блеском продемонстрировала это. Я доволен работой труппы – на мой взгляд, она смогла вдохнуть в спектакль новую жизнь. Что касается исполнителей главных партий, то им, может быть, и не удалось встать вровень со своими великими предшественниками. Но ведь балет только начинает эту новую свою жизнь, и, уверен, он еще их многому научит.

Галина Сергеевна действительно сомневалась в успехе и считала, что спектакль ставить не нужно, но не участвовать в работе она боялась. Возможно, надеюсь, она еще и будет репетировать с кем-нибудь из участниц.

– Может быть, с Татьяной Чернобровкиной?

– Может быть. Почему бы и нет.

– А от кого исходила идея пригласить эту балерину?

– От меня. Я ведь хорошо ее знаю – она была одной из Джульетт в моей собственной постановке “Ромео”. Очень мне нравится и другая моя Джульетта – Наталия Ледовская. Не уйди она в декретный отпуск, я бы пригласил и ее.

– Значит, будете перемешивать к себе артистов из Театра Станиславского и Немировича-Данченко?

– Нет. Мы как раз предполагаем подписать соглашение с этим театром. Будем обсуждать друг друку с своих репертуарных планах, чтобы не получилось так, как в этом сезоне, – мы ставим “Богему”, и они. Мы собираемся дать “Укрощение строптивой” в постановке Кранко, и у них Бронцин ставит свое “Укрощение”, конечно, это совершенно разные балеты, но тем не менее. Другой пункт соглашения – обмен артистами

– В спектаклях Большого стали появляться и артисты “Русского балета” Вячеслава Гордеева – Гурьянова, Казанцева, Тагирова... Как вы к этому относитесь?

– Нормально. К кому-то из них у меня есть претензии. Но я не всегда бываю доволен и нашими ведущими солистками. С балеринами у нас проблема, так почему бы не пригласить танцовщиц из других групп?

– Но эти танцовщицы, возможно, в конце концов окажутся в труппе Большого?

– Если решат принять участие в конкурсе и пройдут его. Но сделаем мы все, чтобы будут столь же беспристрастно, как и всех прочих. Не надо думать, будто Гордеев просто-напросто вливает свою труппу в Большой.

– Но все-таки Вячеславу Михайловичу предоставлена возможность заменить свою труппу, и он по-прежнему ее художественный руководитель. А когда Павел Коган с отказом на предложение возглавить оркестр Большого театра выдвинул условие, что он будет “и артистов, и руководителей и своего коллектива, ему было отказано...

– Гордеев остался художественным руководителем труппы “Русский балет” только на ее афишах. И обещал мне, что афиши с упоминанием такого его качества больше появляться не будут.

– Владимир Викторович не находите ли вы, что в соединении художественного руководителя с директором изначально заложено некое противоречие? Не спорят ли они в вы друг с другом?

– Спорят. Но я стараюсь прислушиваться и к тому, и к другому.

– Что оказалось для вас самым трудным на новом посту?

– Может быть, как раз все это противоречие. Реакцию на премьеру “Белоснежки” – спонтанное громкое признание неудачи – явно спровоцировала возмутившаяся художественная сторона моей натуры. Спектакль действительно не наивешь творческой победой, но если бы его мне необходимо не поставить, очевидно, я дал бы понять с своей негативном отношении иначе.

Директором театра, как я убедился, быть трудно. Сейчас я осваиваю эту интуиду науку. Разумеется, приглашаюсь к ответам в первую очередь, исполнительного директора – Владимира Коконина.

А неожиданности подстерегают на каждом шагу. Вывесили мы, например, в нашем белом фойе картины Шишкина – я давно мечтал об организации выставки в театре. Оказывается, это сакраментально, должны были приехать спросить разрешения у правительства.

Трудность заключается и в том, что слишком многим приходится заниматься. Например, следить за тем, чтобы не использовалось без нашего ведома имя театра. Недавно пришло сообщение из Лос-Анджелеса о гастролях “звезд” Большого балета, вызвавших самую негативную реакцию критики. На самом деле, были показаны спектакли Юрия Григоровича в исполнении Театра Башкортостана, но с участием бывших артистов Большого – тех самых печально знаменитых забастовщиков, с которыми мы наконец перестали судиться просто потому, что у нас нет на это времени. Юрий Григорович, бесспорно, заслужил звание “звезды” Большого театра, а остальные?

– Но ведь некоторые из них еще числятся в труппе Большого?

– Формально. Не говоря уже о том, что башкирский-то театр не упоминается вовсе. Значит, Большому и отвечать за это “высокое качество”?

Ну а самая главная проблема – постоянно мучающий вопрос, где взять деньги. Для нормального функционирования театра, для того, чтобы мы могли выпускать полноценные спектакли, нам нужны суммы, сравнимо с которыми наша дотация не поддается.

– Ищете спонсоров?

– Ищу. И, кроме того, вкладываю еще и свои собственные деньги.

– Вы идеалист?

– Не нравится мне этот вопрос. Я хотел бы надеяться, что я реалист. Но стремящийся к идеалу.